

П Е Р Е В О Д Ы

Василий Кандинский

З В У К И

/перевод с немецкого и комментарии Г.С./

Мюнхен 1913 год.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ.

I) Публикуемый перевод стихотворений в прозе открывает малоизвестную грань раннего творчества одного из ярких представителей авангардизма, литературные опыты которого предвосхитили отдельные черты сюрреалистской литературы 20-х годов.

Василий Кандинский широко известен как художник и теоретик живописи. До первой мировой войны он жил в Германии, где вместе с Францем Марком организовал и возглавил группу художников "Синий всадник" (первая выставка в декабре 1911 г.).

Зимой 1913 года после сочинений по философии искусства "Искусство духовной гармонии" и других, оцененных критиками того времени, как совершенно неудобочитаемые, Кандинский выпустил книгу стихотворений в прозе под общим названием "Кля е", в которую вошли вещи, создававшиеся художником в течение трех предшествующих лет.

Книга была издана роскошно с полусотней цветных авторских гравюр на дереве, но тиражом крайне незначительным по современным понятиям — всего 300 экземпляров. Однако в эпоху отсутствия массовой культуры, в условиях частного предпринимательства, когда автор должен был платить за печатание своей книги, такие тиражи были вполне обычным явлением.

Выпущенная в Мюнхене, эта книга не издавалась в России ни до, ни после революции. Отдельные вещи из нее, переведенные на русский язык, были помещены в известном футуристическом сборнике группы "Гилея" — "Пощечина общественному вкусу", — вышедшем из печати еще до издания "Кля е".

Факт сотрудничества Кандинского с одной из наиболее значительных литературных групп русского футуризма объясняется личными контактами Кандинского с Давидом Бурлюком, между которыми летом 1912 года в Мюнхене состоялись переговоры о совместных выступлениях. Очевидно, появившиеся в "Пощечине" вещи ("Видеть", "Фагот", "Клетка", "Почему?") были получены, переведены и опубликованы Бурлюком в рамках предполагавшегося более широкого сотрудничества. Предпосылки к сотрудничеству были, однако скандальная слава русского футуризма, несогла-

сие Кандинского с манифестом, помещенным в "Пощечине", оттолкнули его от действительного участия в выступлениях русских футуристов.

2). Принципы, положенные в основу перевода, опубликованных в "Пощечине" вещей, можно сформулировать примерно следующим образом:

- а) антиэстетизм,
- б) упор на передачу звуковой стороны текста,
- в) стремление придать самостоятельную ценность подстрочнику.

Приводим текст стихотворения "Видеть", опубликованный в "Пощечине":

Синее, Синее поднималось, поднималось и падало.
Острое, Тонкое свистело, вонзалось, но не протыкало.
По всем концам грохнуло. Толстокоричневое повисло будто
на все времена.

Будто. Будто.

Шире расширь свои руки.

Шире. Шире.

А лицо свое покрой красным платком.

И может быть, еще ничего не сдвинулось: только ты сдвинулся.

За белым скачком белый скачок.

За этим белым скачком еще белый скачок.

И в этом белом скачке белый скачок. В каждом белом скачке белый скачок.

Вот то-то и не хорошо, что ты не видишь Мутное: в Мутном-то оно и сидит.

Отсюда все и начинается.
. Треснуло

Позже это стихотворение, переведенное автором (если только правомерно в данном случае говорить о переводе, а не считать его инсязычным вариантом), публиковалось в ~~книге~~ книге В.Кандинский "Текст художника" (М., 1918). Приводим этот текст:

Синее, синее поднималось, поднималось и падало.
Острое, Тонкое свистело и втыкалось, но не протыкало.
Во всех углах загремело.
Густокоричневое повисло будто на все времена.

Будто. Будто.

Шире расставь руки.

Шире. Шире.

И лицо твоё покрой красным платком.

И может быть оно ещё вовсе не сдвинулось: сдвинулся
только ты сам.

Белый скачок за белым скачком.

И за этим белым скачком опять белый скачок.

И в этом белом скачке белый скачок. В каждом белом скачке белый скачок.

Вот это-то и плохо, что ты не видишь мутное: в мутном-то оно и сидит.

Отсюда все и начинается
.....Треснуло.....

3). В работе со словесным материалом Кандинский использует методы своей живописи.

Такой перенос методов живописи в поэзию, и — поэзии в живопись характерен для творчества других художников-поэтов и поэтов-художников русского авангарда Д.Бурлюка, К.Малевича, О.Розановой, П.Филонова, В.Каменского и др. Поэзия и живопись стремились к слиянию. Поэтому публикуемые стихотворения в прозе нельзя рассматривать в отрыве от иллюстрирующих книгу гравюр и живописи Кандинского вообще. Это обстоятельство необходимо учитывать и по мере возможности стараться восполнить недостаток публикации.

4) Предлагаемый перевод текстов сделан по подстрочнику с единственного в Ленинграде библиотечного экземпляра книги, хранящегося в Академии Художеств.

В целом перевод удовлетворительный, но одно небольшое замечание. В оригинале стихотворения "Это" упоминается "огромное облако, которое похоже на Саг оИ". Причем его можно

жевать до "белоснежной твердости". Слово "саг оI" явно не немецкое и возникает вопрос, как его переводить. Если оно обозначает какой-нибудь пищевой продукт, продававшийся в Германии, то возникают большие трудности его идентификации.

Чтобы выйти из положения переводчик предположил, что "саг оI" это — сокращение от двух красок "кармин" и "виолет" и обозначает просто цвет. Таким образом, получилось "огромное облако цвета яркой фиалки". Использование метафоры там, где Кандинский пользуется прямым сравнением с цветом, не соответствует художественным устремлениям Кандинского. Прямое сравнение с цветом в оригинале обусловлено беспредметностью творчества Кандинского. Тогда как "фиалка" — предмет.

И последнее.

5) В подборку не включены два последних стихотворения "Взгляд и молния" и "Мягкое" ввиду полной неясности подстрочника.

Х О Л М

Кругом рассыпаны холмы всех вообразимых цветов и оттенков. Величина их различна, но неизменна форма: внизу широкие, пышные в боках, вершины мягко закруглены. Да! Простые, банальные холмы, какими они всегда видятся в воображении, но никогда не встречаются в действительности.

Между холмами вьется узкая белоснежная тропа — без голубизны и без желтизны, даже без намека на голубое и желтое.

По этой тропе идет человек, на нем длинное черное платье в складках, оно закрывает ему пятки. У человека бледное лицо, но на щеках горит яркий румянец. Таким же пунцом горят его губы. Он несет большой барабан и бьет в него.

Человек суетлив.

Он то пускается бежать, выбивая лихорадочную неровную дробь, то замедляет шаг, как бы поглощенный своими мыслями, и барабанит машинально в одном тягучем монотонном ритме: раз...раз...раз... То вдруг останавливается и колотит, как белый, пушистый, всеми любимый зайчик-барабанщик.

Но остановка коротка. Вот человек снова бежит, и барабан его сыпет лихорадочной неровной дробью.

Обессиленный, словно мертвый, падает он, черный человек, и раскидывается на белой тропе среди разноцветных холмов. Барабан и две палочки лежат рядом.

Но вот он поднялся. Он бежит.

Всё это мне видно с высоты, и вы, прошу, поднимитесь и взгляните.

Ф А Г О Т

Большие здания внезапно рушились. Мачуги оставались невредимыми. Пухлое, плотное облако, похожее на оранжевое яйцо, внезапно зависло над городом. Казалось, оно напоролось на длинный крест высокой узкой колокольни и стекает оттуда фиолетовым сиянием.

Иссохшее, голое дерево с трепетом возносило к черному

небу трясущиеся длинные ветви. Небо чернело, как дыра в белой бумаге. Порой на ветвях вздрагивали четыре крошечных листа. Дрожь лихорадила дерево в безветрие и тишь.

А когда налетала буря, и под ее напором рушился очередной крепостенный дом, тонкие ветки замирали. Крошечные листья становились жесткими, словно стлитые из железа.

Над городом, вытянувшись цепью, пронеслась стая ворон.

И опять стало спокойно.

Истаяло оранжевое облако. Пронзительно-синим сделалось небо. Город — желтым до рези в глазах.

В этом покое одиноко разносился цокот копыт.

Всем вокруг было известно — это блуждает по пустынным улицам одинокая белая лошадь. Цокот звучал долго, бесконечно долго. И уже нельзя было точно сказать, когда он прекратится. Как предугадать приход смерти?

От грузного, протяжного, невнятного пения фавота, которое безучастно лилось в глубокой пустоте, все вокруг постепенно зеленело. Вначале зелень была мутной, грязноватой. Потом посветлела, сделалась холоднее, ядовитее; дальше — еще светлее, еще холоднее, еще ядовитее.

Дома, утоньшаясь, росли кверху. Все тянулось направо, к точке, где, казалось, рождается утро.

Во всем как бы виделась жажда рассвета.

И все светлее, все холоднее, все ядовитее становилось небо, дома, мостовая, по которой теперь шли люди.

Они шли медленно, плотно, не останавливаясь и не оглядываясь по сторонам. Каждый — сам по себе.

Изменилось всё. — И голое дерево увенчалось густой, роскошной кроной.

Эта странная крона сидела вверху, на высоком стволе — вытянутая и плотная, точно колбаса.

Она была самая слепящая, исжелта-яркая настолько, что этого не вынесло бы ни одно сердце.

Счастье, что никто снизу не увидит этой кроны.

Лишь фавот стремился к невыносимому цвету. Он забирался всё выше, пронзительной, сияющей стала его предельная нота.

Счастье, что фавот не смог достичь этого тона.

О Т К Р О В Е Н И Е

То плавно уходя в зеленую траву.
То ныряя в серую грязь.
То плавно уходя в белый снег.
То ныряя в серую грязь.
Бесконечно тянулись жирные черные трубы.
Бесконечно тянулись.
Бесконечные трубы.
Трубы.
Трубы.

Р А Н Н Я Я В Е С Н А

Один господин на улице снял свою шляпу. Я увидел черные-с сединой — волосы, густо напореженные в стороны от пробора.

Другой господин тоже снял шляпу. Я увидел просторную розовую лысину с жирным синеватым отливом. Оба господина встретились глазами и показали друг другу кривые, исжелтатсерые, пломбированные зубы.

К Л Е Т К А

Оно было разорвано. Я взял в руки оба конца и крепко их друг к другу прижал. Вокруг стало что-то расти, плотно меня обступая, — но ничего нельзя было разглядеть отчетливо.

Я думал: наверное, ничего этого нет. Но не мог двинуться вперед. Я был, как муха, пойманная в стакан.

Да, преграды не видно, а никак не прорваться. Вместо преграды — пустота. Прямо передо мной стояло дерево, вернее сказать, деревцо: с листьями зелеными, как ярь-медянка, плотными, как железо, и, как железо, твердыми. Маленькие, светящиеся кровавым светом яблочки висели на ветках.

Это всё, что было.

Э Т О

Вы видите это огромное облако цвета яркой фиалки? Его можно лизать до белоснежной твердости, и язык останется сухим.

Вот оно заполнило темно-синий воздух.

А внизу, под облаком, на земле пылал дым. Сложенный из красного кирпича он выглядел прочным, о, очень прочным.

Он стоял в неподвижном желтом пламени.

А на земле перед этим домом...

К О Л О К О Л

Однажды мужчина в Вейскирхене сказал: "Никогда, никогда я не сделаю этого".

Как раз в это же время одна женщина в Мюльхаузене сказала: "Говядина с хреном".

Каждый сказал свою фразу, потому что иначе и быть не могло.

Я держу в пальцах ручку и пишу ей. Я не мог бы ей писать, если бы она была без чернил.

Животное, большое и сильное, радостно жующее жвачку, было убито быстрой глухой чередой ударов молота по черепу. Оно осело. Дыра в теле дала выход крови. Густая, клейкая, пахучая кровь лилась нескончаемо долго.

С удивительным проворством была содрана толстая, теплая, бархатистая шкура, ~~под~~ её покрывал красивый рисунок из коричневых и белых волосиков. Снятая шкура и туша — красная, дымящаяся, с душным запахом.

Земля сплюснута, плоско уходит за горизонт. С левого края — небольшая березовая роща. Совсем молодые стволы нежно-белы, ветви голы. Кругом бурные поля, вспаханные аккуратными, ровными бороздами. В середине этого огромного блина — деревенька в несколько домов серого и белого цвета. Точно в центре — купол церкви. Маленький колокол тянут за веревку и он делает: дент, дент, дент, дент, дент...

З Е М Л Я

Тяжелую землю кладут
в подводы тяжелой лопатой.
Подводы наполнятся и
от тяжести грузно осядут.

Люди кричат лошадям,
хлещут кнутом. И они
тяжко катят свой груз —
подводы с тяжелой землей.

П О Ч Е М У ?

- Оттуда никто не выходил.
- Никто?
- Никто.
- Ни один?
- Нет.
- Да! Но когда я проходил мимо, один все-таки стоял там.
- Перед дверью?
- Перед дверью. Раскинул руки и стоит.
- Да! Это потому, что он никого не хочет впускать.
- Туда никто не входил?
- Никто.
- Тот, который раскинул руки, он был там?
- Внутри?
- Да, внутри.
- Не знаю. Он только затем раскинул руки, чтобы туда никто не вошел.
- Чтобы внутрь никто не вошел, его туда и поставили?
- Ну, того, который раскинул руки?
- Нет. Он сам пришел, встал и руки раскинул.
- И никто оттуда не выходил? Никто-никто?
- Никто-никто.

КАК ОБЫЧНО

Моя скамейка голубого цвета, но часто ее не оказывается на месте. Только позавчера я нашел ее снова. Рядом с ней, как обычно, притаилась остывшая молния. На этот раз вокруг молнии была выжжена трава. Наверное, молния тайком уткнулась жалом в землю и внезапно вспыхнула. Других перемен на старом месте я не нашел. Всё было по-прежнему. Я сидел на моей скамейке. Справа — молния, вонзенная жалом в землю: недавно она одиноко пылала. Передо мной — широкая равнина, правее, шагах в пятидесяти от меня, — женщина с черным, прижатым к груди, платком. Она смотрит на черный гриб. Слева от меня — выцветшая надпись:

"Долой! Родоначальник!"

Я не раз перечитывал надпись и давно знал, о чем говорится в том белесом, разохшемся от дождя щите. В двухстах шагах от меня выросли из-под земли четыре неизменных домика. Дверь второго слева бесшумно отворилась. Толстый рыжеволосый мужчина в бледно-фиолетовом трико /когда я его вижу, я всегда думаю о жажде/ вывел пегую лошадь из крайнего правого домика, что у пригорка, вскочил на нее и ускакал /как принято говорить/ вихрем. Издалека докатился всегдашний его крик:

"Ну, погоди! Ну! Я страшно тебе отомщу!"

Сразу же после этого, как обычно, из второго домика /справа/ со своей белой лейкой вышел поджарый турок. Он полил разноцветными чернилами тонкое деревце, сел, откинулся спиной к стволу и засмеялся. /Услышать смеха я не мог/. И у меня опять возникла безумная мысль, что его щекочут пролитые цветные чернила. Потом стало слышно:

"Тин-тен"

Удары далекого, невидимого колокола. А женщина с платком повернула ко мне свое лицо.

Г О Б О Й

Очутившись на небольшом круглом пригорке, Непомук надел свой нарядный новый сюртук. Снизу слепило глаза сине-зеленое озеро.

Непомук прислонился к стволу молоденькой, белой, такой земной березы, вынул свой огромный черный гобой и сыграл кучу прекрасных, всем знакомых песен. Он играл прочувственно и долго. Вероятно, около двух часов. Только он затанул "пролетела птица" и дошел до "проле...", как на пригорок вбежал разгоряченный, запыхавшийся Майнрад и отчек своей кривой, острой, сверкнувшей в серповидном отмахе, саблей большую часть гобоя.

Б Е С Н А

Молчи, ты, пестрый человек!

Медленно течет с холма старый дом.

Ветхое голубое небо безнадежно глазееет сквозь ветки и листья.

Не зови меня туда!

Беспомощно повисли в воздухе люди, как ложка в густой каше. Ноги касаются травы. И трава хочет проколоть своими кончиками незнакомое.

Высоко подними топор над головами и руби! Руби же!

Твои слова не доходят до меня. Они повисают кругом, как мокрое белье на кустах.

Почему здесь ничего не растет, только стоит на распутье этот деревянный подгнивший крест? Руки его прокололи воздух вправо и влево. Голова его продырявила небо. Нежные красно-голубые облака пресмыкаются у горизонта. Молнии пронзают и кромсают их там, где ты меньше всего их ждешь, — их уколы и порезы врачуют не оставляя следов. И каждое облако падает, как мягкое одеяло. И каждое говорит, говорит — говорит —

Это ты? Снова ты, пестрый человек? Снова ты?

В С Е - Т А К И

Рыба уходила все глубже в воду. Рыба была серебристая, вода — голубая. Я следил за ней глазами. Рыба уходила все глубже, но я еще видел ее. Ее уже нельзя было видеть. Но я еще видел ее, в то время, когда уже не мог ее видеть.

Но все-таки я видел рыбу. Но все-таки я видел ее. Я видел ее. Я видел ее. Я видел ее. Я видел ее. Я ви-

дел ее.

Белая лошадь спокойно стояла на стройных ногах. Голубе-
ло небо. Тянулись стройные ноги. Лошадь была неподвижна. Гри-
ва застывшим потоком падала вниз. Лошадь на стройных ногах сто-
яла без движения. Но что-то выдавало в ней жизнь. Без сокра-
щения мускулов, без дрожащей кожи — в ней билась жизнь.

Но все-таки — в ней билась жизнь.

Цветок рос на широком лугу. Он был голубым.

На широком лугу рос только один цветок.

Но все-таки, все-таки — жизнь там была.

Н Е

Меня очень интересовал прыгающий мужчина. Он меня беспо-
коил. В плоской, сухой и твердой земле он выкопал маленькую,
идеально круглую ямку и каждый день от четырех до пяти часов
старательно прыгал над ней. Он прыгал с одного края ямки на
другой с таким усилием, какого бы хватило, будь яма на три
метра шире. И мигом снова назад.

И мигом назад. И м и г о м н а з а д !

Назад, назад! О! снова назад, снова назад! Снова, снова.
О, снова, снова, снова. Сно-ва... С-но—ова...

На это невозможно было смотреть.

Но если вы там уже побывали, если только однажды, один
единственный крошечный миг, тогда... да, тогда... от этого
невозможно отвести глаза. Разве можно было не вернуться туда?
Н е вернуться? Это н е подчас невозможно исполнить. Кто те-
перь из людей, живущих на свете вторую /и последнюю/ половину
своего века, не знает... Каждый знает! Поэтому я неперестан-
но снова должен возвращаться к прыгающему мужчине. И он бес-
покоил меня. Он огорчал меня. Но...

Не ходи к нему!! Не смотри на него!!... Никогда!!!.....

.....

.....

.....

Уже перевалило за половину четвертого. Я спешу туда.
Иначе приду слишком поздно.

ЕЩЕ

Ты, первозданная пена.

Ты, беспечная саранча, ты, которая меня не любит.

Я слышу здесь гулкую тишину бесконечных солдатских шагов.

Вы, квадраты четырех окон с крестами посередине.

Вы, окна пустого зала, окна белой стены, в которой никто не нашел опоры.

Вы, окна, говорящие неслышными вздохами. Вы только притворяетесь, будто холодны: не для одного меня вы оцеланы.

Ты, настоящий клей.

Ты, задумчивая ласточка, ты, которая меня не любит.

Захлебывающаяся тишина бегущих колес, что лечат и дарят образы.

Вы, тысячи камней, положенные и вбитые молотками не для меня. Вы приказываете моим ногам остановиться. Вы ничтожные, твердые и серые. Кто позволил вам, открыть мне блеск золота?

Ты, говорящее золото. Ты ждешь меня. Ты, манящее меня теплом: ты добыто для меня.

Ты, клей души.

ЗВУКИ

Лицо.

Даль.

Облака.

.....

.....

Стоит человек с длинным мечом. Меч длинный и широкий. Очень широкий.

.....

.....

Он искал меня, чтобы обманывать, я знаю это: ему уже удалось меня обмануть. Может быть, слишком часто.

.....

.....

Глаза, глаза, глаза... глаза...

.....

.....

Женщина, сухая и немолодая, на голове у нее платок, который стал над лицом, как козырек, и оставляет его в тени.

Женщина тянет за повод молодого теленка, и тот покачивается на кривых ногах. Иногда теленок послушно бежит позади, а иногда упрямится. Тогда женщина тянет его за веревку. Он наклоняет голову, качает ею, упирается ногами. Но ноги слабые, и веревка побеждает.

Веревка побеждает.

.....

.....

Глаза смотрят из дали.

Поднимается облако.

.....

.....

Лицо.

Дали.

Облака.

Меч.

Веревка.

В О Д А

По желтому песку шел красный человек, маленький и тощий. Он без конца оступался. Казалось, что он идет по скользкому льду. Но он шел по бескрайним желтым пескам.

Изредка он шептал: "Вода... Голубая вода". И сам не понимал, зачем говорит это.

Мимо, на желтой лошади мчится всадник в зеленой гофрированной юбке.

Зеленый всадник натянул тугой белый лук, повернулся в седле и пустил стрелу в красного человека. Стрела просвистела, будто всхлипнула, готовая пронзить сердце красного человека. В последний миг он поймал стрелу рукой и отбросил в сторону.

Зеленый всадник залился смехом, припал к шее желтой лошади и растаял вдаль.

Красный человек стал больше, шаг его сделался тверже.

"Голубая вода!" — сказал он.

Он шел дальше, из песка вырастали барханы и серые твердые холмы.. Чем дальше, тем тверже, серее, выше становились холмы, пока, наконец, не показались скалы.

Красному человеку приходилось протискиваться между скал, ибо он не мог ни остановиться, ни повернуть назад — назад было нельзя.

Когда он шел у высоченной остроконечной скалы, то заметил, что белый человек, присевший на корточках в самом верху, готовится сбросить на него огромную серую глыбу. Назад было нельзя — он должен осилить этот узкий проход. И он пошел. Когда он был под самой скалой, человек наверху, отдуваясь, тяжело столкнул глыбу.

И глыба упала на красного человека. Он поймал ее за левое плечо и откинул назад. — Белый человек наверху засмеялся и приветливо кивнул головой. — Красный человек стал еще больше и выше. — — "Вода, вода", — сказал он. — — Проход между скалами становился все шире, пока снова не показались низкие барханы, они становились все меньше и меньше, пока не исчезли совсем.

— И снова лишь одна желтая плоскость.

Р А З Р Ы В

Маленький человек пытался разорвать цепь и никак не мог. Большой человек разорвал ее без труда. Маленький человек хотел тут же улизнуть.

Большой человек схватил его за рукав, наклонился и тихо сказал ему в ухо:

"об этом мы должны молчать". И оба от души рассмеялись.

Д Р У Г О Е

Это была большая цифра 3 — белая на темно-коричневом. Ее верхний крючок был равен нижнему, — так думали многие люди.

Но на самом деле верхний был больше нижнего.

Эта 3 всегда глядела налево и никогда — направо. При этом она еще смотрела несколько вниз, потому что только каза-

лось, что цифра стоит идеально прямо.

В действительности — это нелегко было заметить — верхний

ч у т ь, ч у т ь, ч у т ь
большой крючок клонился влево.

Вот так выглядела эта большая 3 — всегда влево и, едва заметно, вниз.

А, возможно, было и не так.

В Ы Х О Д

Ты хлопал в ладоши. Но тебе не стоит радоваться.

Никогда, никогда.

Вот он снова орудует ножом.

Он снова полосует ножом. И тут небо разрывает гром. Кто введет тебя глубже?

В темной, глубокой, неподвижной воде дерева растут вершинами вниз.

Всегда, всегда.

Тут он вздыхает. Вдох тяжел. Он снова вздыхает. Вздыхает.

И тут палка бьет по чему-то сухому.

Кто же укажет дверь, выход?

В Л Е С У

Лес постепенно густел. Красные стволы становились все толще. Зеленые кроны — все тяжелее. Воздух — сумрачней. Кусты — пышнее. Грибы вылезли без числа, давить их приходилось на каждом шагу. В е трудней было человеку идти, продираться, протискиваться. Но он шел, все быстрее повторяя одни и те же слова: —

Рубцы затягиваются,

Цвета соответствуют.

Слева и чуть сзади от него шла женщина. Всякий раз, когда человек говорил свои слова, она убежденно, сильно раскатывая "р", произносила:

очень прррактично.

З А Н А В Е С

Веревка потянулась вниз, а занавес поднялся вверх. Этого момента мы все так давно ждали. Занавес висел. Висел. Висел. Он свисал до самого низа. Теперь он вверху. Когда он пополз вверх, все мы так радовались.

Б Е Л А Я П Е Н А

Мне хотелось бы знать, почему все именно так, а не иначе. Иначе все могло бы быть совсем, совсем не так.

По плоским зеленым лугам на вороном коне скачет женщина. Мне не хватает глаз, чтобы охватить эти луга. На женщине черные одежды, лицо ее скрыто канареечной вуалью. Женщина немилосердно бьет лошадь, но та уже не может бежать быстрее. Она и так скачет во весь опор, белея от выступающей горячей белой пены. Женщина сидит прямо, неподвижно и бьет свою лошадь. Вы не считаете, что было бы лучше вороной лошади умереть? Она ведь совсем белая от горячей белой пены!

Но она не может умереть. О нет!

Э т о г о она не может. Иначе все бы вышло не так, совсем по-другому.

Г И М Н

Волна голубая сама себя мягко качает.
Красный платок — разорванный — брошен в воду.
Красные клочья. Синие волны.
Закрытая древняя книга.
Даль открывается молча.
Блуждание в тёмном лесу.
Выше становятся синие волны.
Тонет красный платок.

П О С Л Е

Я найду тебя в глубокой вышине. Там, где плоское колет. Где не режет острое. Ты держишь кольцо в левой руке. В правой руке держу кольцо я. Цепь не видна. Но наши кольца — крайние звенья цепи.

Начало.

Конец.

П Р И К Л Ю Ч Е Н И Е

Однажды я очутился в поселке, где не было жителей. Все дома там были нарядно-белые, с плотно закрытыми зелеными ставнями. В центре поселка — площадь в ежике зеленой травы. На площади стояла древняя церковь с высокой островерхой колокольной. Большие часы на колокольне шли тихо, без боя. На площади паслась рыжая корова с толстым провислым брюхом. Она застыла у колокольни и сонно жевала жвачку. Каждый раз, когда минутная стрелка показывала на часах четверть, половину или полный час, корова мычала: "Ну, не надо трусить!" — затем снова мессила челюстями.

МЕЛ И САЖА

О, как медленно он идет.

Если бы нашелся хоть кто-нибудь, чтоб сказать ему: Потрапливайся, иди же быстрее, быстрее, быстрее, быстрее, быстрее.

Таких здесь нет. Или все же?

У него черное лицо с белыми губами, совсем белыми губами, словно залепленными мелом, подведенные, напмаженные.

Какие зеленые уши!

Они действительно зеленые? Так ли это? Или все же?

Каждую осень деревья теряют листву — свой наряд, свою красу, свою плоть, свое богатство.

Каждую осень. Долго ли так продлится? Сколько осеней впереди? Вечность? Нет? Или да?

Как медленно он идет.

Каждую весну зацветают фиалки. Их запах плывет, плывет... Он бесконечен. Неужели их аромат никогда не выдохнется. Или все же?

Может тебе будет приятней, если у него скажется белое лицо и губы черные, словно заклепанные сажой, подведенные, напмаженные? Это понравится тебе больше?

Или все же здесь есть кто-то, кто скажет человеку, а может уже сказал: Торопись, ну же, скорее.

Скорее, скорее, скорее, скорее, скорее.

В Е С Н А

I

На западе всплыла невинная луна.
Над новорожденной — высокая звезда повисла.
Дом узок, от земли до неба — черен.
В нем три окна.

2

На пронзительной желтизне — голубоватые пятна. Только мои глаза заметили эти пятна. Они ласкают взгляд. Почему никто не замечает голубоватых пятен на пронзительной желтизне?

3

Опусти свои пальцы в кипящую воду.
Ошпарь, обвари их.
Пусть залют твои пальцы от боли.

Л И С Т Ь Я

Мне вспоминается одна картина.

Черный конус огромной горы — высотой до неба. Едва видна ~~ниже~~ её серебряная вершина. Справа от горы растет толстое дерево с густой зеленой кроной. Крона такая плотная, что невозможно разглядеть в ней отдельных листьев. Слева, на небольшом пятачке, густо вылезли маленькие, похожие на плоские тарелочки цветы.

Больше ничего не было.

Я стоял перед этим пейзажем и внимательно его разглядывал.

Вдруг справа выехал верхом на белом козле какой-то человек. Козел был самый обыкновенный, вот только рога у него загибались не назад, а вперед, и хвост был голым, причем не торчал вверх, а болтался вниз.

У самого человека было лиловое лицо с коротким вздернутым носом. Он смеялся, показывая маленькие редкие зубы, — они были порядком истерты, но все еще белы. И еще я заметил что-то ярко-красное.

Я был немало удивлен — человек глядел на меня и ухмылялся.

Так он медленно проехал мимо и скрылся за горой.

Однако, странно, что когда я снова увидел его на пейзаже, все листья опали на землю и слева уже не было цветов — только красные ягоды.

Гора, разумеется, осталась на месте.

На этот раз.

П е с н я

Человек посажен
В узкий круг,
В узкий круг
Узости.
Он доволен.
Он живет без ушей.
Что такое глаза — он не знает.
Эхо красного звука,
Следа золотого диска
Он постигнуть не в силах.
Что было низвергнуто —
Вновь восставало,
Что было немо —
Взрывается песней.
И человек,

Что живет без ушей,
Безглазый от века,
Все же постигнет
Эхо красного звука,
След золотого диска.

К О Р Е Н Ь

Живые маленькие паучки порхали у моей руки. Крошечные юркие паучки. Твои зрачки оттолкнули мой взгляд.

✽

- "Он еще вспоминает о дереве?
- "О березе?

✽

Свет вечерней звезды зажегся в положенный час. Знаешь когда?

✽

- "Дерево, которое я видел, ему незнакомо.
- "Дерево растет от часа к часу.
- "А пламя пожирает сухую листву.
- "Сухую листву.

✽

Колокол ищет цель в пространстве, чтобы выпустить в нее звук.

И не находит.

Он в вечном плену.

✽

- "Он когда-нибудь вспомнит дерево. Оно трепетало от низа - от самого корня - и до вершины, до кроны.
- "О! Листья на вершине!
- "Он еще помнит о дереве?!
- "О березе?

С Т О Л

Это был предлинный стол. О, длинный, очень длинный стол. Справа и слева за ним сидела уйма людей, всё:

люди, люди,
люди.

Очень долго сидели люди за этим длинным столом.

ПЕСТРЫЙ ЛУГ

На лугу, где не росла трава, — лишь необычайно ~~широкими~~ пестрые цветы, — сидели в ряд пять человек. Шестой стоял в стороне.

Первый сказал:

"Крыша прочна.. Да, прочна крыша... Прочна...

Спустя минуту, второй сказал:

"Не трогайте меня: я потею... Я специально потею... Да!

А потом третий:

"Не через стену!

Не через стену! Нет!

А четвертый:

"Зреющий плод!

После долгого молчания пятый пронзительно закричал:

"Разбудите его! Раскройте ему глаза! С горы летит камень. Камень, камень, камень, камень!.. С горы!.. Он летит вниз!.. Сделайте же, чтоб глаза его смогли видеть! Раскройте ему глаза пошире! Удлините ему ноги! Удлините, удлините... Ноги!!

Шестой, что стоял в стороне, крикнул коротко и властно:

"Молчать!

ВЗГЛЯД

Зачем ты разглядываешь меня из-за белого занавеса? Я не звал тебя, я не просил глядеть на меня сквозь белый занавес. Почему твое лицо скрыто от меня? Отчего я не могу видеть твоего лица за белым занавесом? Перестань, не смотри на меня из-за белого занавеса! Я не звал тебя. Я тебя не просил. Сквозь сомкнутые веки я вижу, как ты разглядываешь меня — ты смотришь из-за белого занавеса. Я отдерну прочь белый занавес

и увижу твое лицо, а ты не увидишь моего. Почему я не могу сдвинуть белый занавес? Зачем ты скрываешь от меня свое лицо?

БАШНЯ

На зеленом лугу, распластавшись, лежал человек в зеленом трико, с закрученными кверху усами. Этот человек мне давно не нравился. Вокруг него росли красные грибы.

Из зеленого леса вышла женщина. Она была одета в голубое, смотреть на нее мне было неприятно.

Когда она села рядом с человеком, все грибы вдруг пропали.

Исчезли.

Мужчина поднялся и пошел. Женщина — с ним рядом. Они шли из зеленого леса к большой красной башне.

Серая дверь была плотно закрыта. Дверь распахнулась.

Женщина вошла. Следом вошел мужчина.

Они вместе стоят вверху, на башне, и это неприятно.

Серая дверь — плотно закрыта.
